

УДК [1+316.3]:004

МУЛЬТИПЛИКАЦИЯ ОТЧУЖДЕНИЯ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Татаров В. Ю.

ФГБОУ ВО Тверской государственный технический университет, г. Тверь, Россия

ФГБОУ ВО Тверской ГМУ Минздрава России, г. Тверь, Россия

ALIENATION MULTIPLICATION IN DIGITAL SOCIETY: A SOCIAL-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Tatarov V. Yu.

Tver State Technical University, Tver, Russia

Tver State Medical University, Tver, Russia

Аннотация: В контексте марксистской парадигмы проанализирован новый уровень отчуждения, возникший в условиях позднего капитализма. Посредством алгоритмической инфраструктуры цифрового общества капиталистическая система создала беспрецедентное опосредствование человеческой деятельности. Алгоритмы машинного обучения автоматизируют уже не сам труд, а его автоматизацию, тем самым интенсифицируя разрыв, существующий в условиях капитала между субъектной и объектной сторонами деятельности. В результате автоматизации автоматизации труда в процессе бесконечной рекомбинации данных происходит самоумножение отчуждения социального бытия.

Abstract: In the context of the Marxist paradigm, a new level of alienation that arose in the conditions of late capitalism is analyzed. Through the algorithmic infrastructure of the digital society, the capitalist system has created an unprecedented mediation of human activity. Machine learning algorithms automate not the work itself, but its automation, thereby intensifying the gap that exists in the conditions of capital between the subject and object sides of activity. As a result of the automation of automation of work in the process of endless recombination of data, the alienation of social existence is self-multiplying.

Ключевые слова: Цифровое общество, поздний капитализм, отчуждение, алгоритмы искусственного интеллекта, мультипликация отчуждения.

Keywords: digital society, late capitalism, alienation, artificial intelligence algorithms, alienation multiplication.

Концепция отчуждения является наиболее перспективной для понимания различных процессов, протекающих в непрерывно меняющейся социальной реальности, и содержит в себе не до конца раскрытый объяснительный потенциал. Коммерциализация всех сфер жизни, в особенности тех, которые ранее не были затронуты рыночными отношениями, создает новые горизонты отчуждения, что требует дополнительного исследования и новой рефлексии.

В марксистской социально-философской традиции универсальным способом существования человека и общества выступает праксис – сознательная целенаправленная преобразующая деятельность социального индивида, структурно представляющая собой неделимое субъект-объектное отношение и взаимодействие. «Субъект» и «объект» праксиса – коррелятивные и определяемые друг через друга понятия: субъектом является носитель объектно-направленной преобразующей активности; объектом – то, на что всегда направлена эта активность. Субъект и объект находятся в диалектическом взаимодействии и представляют собой «взаимопреобразующую тотальность», в которой субъект синхронно изменяется вместе с объектом. По принципу обратной связи преобразованный объект с необходимостью воздействует на субъекта деятельности и изменяет его, в результате чего субъект оказывается самоизмененным (Selbstveränderung), т. е. преобразованным самим собой. Поэтому носитель преобразующей активности выступает и субъектом, и объектом собственной деятельности [4]. Таким образом, в процессе осуществления праксиса, в «онтологически фундаментальной самомедиации» социального индивида с объектом его собственной активности [21, р. 79] тотальность субъект-объектного отношения изменяется диалектически [4].

Самомедиация субъекта в субъект-объектном отношении имеет два онтологические аспекта. Во-первых, в самом субъекте, в человеке, «природа опосредствует себя с природой» [21, р. 82], поскольку он является ее неотъемлемой частью, а она – его внешним неорганическим телом [5, с. 565]. Во-вторых, в этой самомедиации «человек опосредует себя с человеком» [21, р. 82], поскольку праксис – это деятельность социально-индивидуальная. В преобразующем взаимодействии с природой как объектом собственной деятельности, опредмечивая свое отношение к миру, свою социальность и субъективность, человек производит материальный или идеальный предмет, который используют другие люди, распредмечивающие воплощенный в нем социально-экзистенциальный опыт. В межличностной диалектике актов опредмечивания и распредмечивания совершается обмен деятельностью и человеческой субъективностью, в процессе которого устанавливается связь-отношение (*Verkehr*), понимаемая как общение в расширенном смысле. Предмет праксиса оказывается интерсубъективным медиатором социальных отношений – узлом, связывающим социальное и индивидуальное. По словам отечественного философа П. Н. Кондрашова, материальная и идеальная предметность, которая возникает в процессе деятельности субъекта, «является подлинным базисом *социальной связи между индивидами*» [4].

Особенно рельефно социальный смысл субъект-объектного отношения и взаимодействия выступает в концепте родовой сущности человека, которая в исторической действительности синхронно актуализируется и как праксис [5, с. 566], и как ансамбль (*ensemble*) общественных отношений [6, с. 3]. Согласно марксистской традиции, структуру этих отношений составляют несколько базовых и взаимосвязанных отношений субъекта к миру: отношение к собственной деятельности, к природе, к возникшему из нее предметному миру, т. е. предметам материальной и духовной культуры – продуктам преобразующей активности человека, а также отношение к другим людям и к самому себе [4].

В условиях интенсификации капиталистических отношений и доминирования частной собственности на средства производства на базе опосредствующей производительной деятельности, т. е. онтологически необходимой субъект-объектной самомедиации социального индивида, возникает опосредствование опосредствования, которое венгерский философ И. Месарош именуется «медиацией *второго порядка*» – «специфической, *отчужденной формой*» человеческого праксиса [21, р. 79]. Комплекс медиаций второго порядка, подчиненный квазиавтономному псевдосубъекту, персонифицированному в виде капитала (или, иначе, спектр отчуждений, в котором конечным медиатором всех отчужденных опосредствований выступает монетарная система), «вклинивается между человеком и его деятельностью, между человеком и природой, между человеком и человеком» [*Ibid.*, р. 83]. Происходит разрыв и одновременно инверсия между субъектной и объектной сторонами праксиса: в своей отчужденной форме праксис выступает как безличный автоматически функционирующий процесс, как некая независимая от самого индивида и господствующая над ним социальная сила, превратившая его в псевдообъект этого процесса. В отчужденной деятельности субъект и объект меняются ролями и функциями, поэтому межсубъектные связи подменяются межобъектными связями [1, с. 393], т. е. инвертированными оказываются и социальные отношения, превратившиеся из личных в объектные, вещные, ставшие, по словам К. Маркса, «вещными отношениями лиц и общественными отношениями вещей» [8, с. 83].

В условиях капиталистической общественной системы вещные отношения между людьми возникают в результате коммодификации социальных отношений. Обмен индивидуальной деятельностью, реализующий их в актах опредмечивания и распредмечивания, перестает быть непосредственно личным – он опосредствуется товарной формой взаимодействия, медиацией второго порядка – той реифицированной системой, которая функционирует как «вместилище определенного общественного отношения – меновой стоимости» [10, с. 177]. Товар имеет двойственную природу, выраженную в синтезе его качественных и количественных характеристик – потребительной стоимости и стоимости, ее опосредствующей [12, с. 162], которая в условиях капиталистического рынка в процессе товарно-денежного обмена выступает в форме меновой стоимости – абстрактного, количественного соотношения [8, с. 44]. Ряд исследователей предпочитают переводить немецкое слово *Wert*, которое часто употребляется в

сочинениях К. Маркса, не как «стоимость», а как «ценность», указывая при этом на различные аксиологические коннотации этих терминов [3; 15]. В количественном соотношении, функционирующем в механизмах рыночного обмена, индивидуальность производителей оказывается стертой [7, с. 15]: из человеческой деятельности элиминируется человечность, и в отчужденной форме праксиса возникает абстрактное, неэмпатическое, т. е. безразличное «ко всякой действительной определенности», отношение к реальности. Поэтому в реифицированных межсубъектных отношениях родовая сущность человека, его субъективность и социальность опредмечиваются и распредмечиваются бесчеловечным способом [5, с. 625–626], обнаруживая во всем спектре медиаций второго порядка их дегуманизированный и дегуманизирующий характер.

Алгоритмы вычислительных машин, используемые крупными технологическими компаниями для генерирования и аккумуляции данных, наряду с другими инструментами капиталистического производства являются медиациями второго порядка, возникшими на базе обмена индивидуальной деятельностью. Как агенты искусственного интеллекта (далее – ИИ) алгоритмы представляют собой опредмеченные и реализованные в программном обеспечении компьютеров когнитивные процессы, т. е. изъятые из тотальности человеческого праксиса системы логико-математических операций. Капитал постоянно абстрагирует из исторически накопленного интеллектуального потенциала, который К. Маркс именуется «общественным мозгом», человеческие знания и навыки и подчиняет их контролю отчужденной социальной силы – «всеобщего интеллекта» [9, с. 205, 215]. Его частным случаем является ИИ – персонифицированная совокупность когнитивных процессов, реализованных в адекватной капиталу форме – форме алгоритмов машинного обучения. Вся капиталистическая система в целом функционирует как вышедшая из-под человеческого контроля социальная мегамашина: в бесконечном движении капитала стоимость становится псевдосубъектом некоторого процесса, в котором она непрерывно «изменяет свою величину, присоединяет к себе прибавочную стоимость» [8, с. 161]. В капитализме ИИ производство прибавочной стоимости находится в зависимости от использования и монетизации данных, энтропийное увеличение которых происходит в интерактивном алгоритмическом процессинге, когда обучающие данные внешней среды периодически добавляются к «существующему блоку инструкций, установленному в качестве вводных данных» [11]. Актуализируясь в виде средовых данных, имманентное всякому вычислительному процессу неисчислимо постоянно переписывает программу интерактивной вычислительной системы и тем самым интенсифицирует способность алгоритмов ускользать от человеческого контроля, поскольку специфика любых инструментов капиталистического производства состоит в том, что они обязательно должны контролировать человека, а не контролироваться им [21, р. 248]. Таким образом, капитал и реализованный в действиях алгоритмов ИИ выступают как функционально идентичные и стимулирующие друг друга медиации второго порядка – безличные, но персонифицированные, т. е. ставшие социальными фетишами, самостоятельно функционирующие субстанции, превратившие индивидов в объекты своих бесчеловечных процессов.

Исследование отчуждения когнитивных процессов, происходящих в цифровом обществе на базе обмена индивидуальной деятельностью, отсылает к работам американского социального философа Дж. Дин, в которых она рассматривает коммуникативную проблему, возникшую в сетевых интеракциях в условиях позднего капитализма. Ряд отечественных исследователей отмечают, что ее концепция коммуникативного капитализма становится все более актуальной и обладает высоким эвристическим потенциалом. Среди идей, лежащих в основе этой концепции, в особенности выделяются две – идея Дж. Агамбена об отчуждении языка в обществе спектакля и концепт С. Жижека об интерпассивности субъекта [14; 16].

В условиях коммуникативного капитализма родовая коммуникативная сущность человека (язык) «конституируется как автономная сфера» в той мере, в какой она становится неким субъектом коммерческого процесса [18, р. 56]. Согласно Дж. Дин, происходит трансформация сообщения во вклад (contribution): первичным оказывается не содержание сообщения, а его вклад в расширение сетевого контента, в циркуляцию большого потока пролиферирующих данных, к которым как природному ресурсу коммуникативного капитализма применимы метафоры нефти и золота [18, р. 58; 17, р. 10]. Сообщения облачаются в товарную форму и становятся частью

рыночного обмена, поэтому их меновая стоимость «превышает их потребительную стоимость». При этом последняя находится в прямой зависимости от понимаемости содержания сообщения, поскольку понимание является необходимым условием коммуникативного обмена. Однако «вклад не обязательно понимать; его необходимо только повторить, воспроизвести, передать». Следовательно, подобно мертвому труду вклад представляет собой абстрактное, т. е. лишенное в определенной степени субъективного содержания, сообщение, которое в сетевом потоке информации функционирует автономно, отдельно как от отправителя, так и от адресата [18, р. 58–59; 14, с. 241]. Медиатехнологии, опосредствующие коммуникацию, захватывают и используют активность субъекта, превращая ее в интерпассивность. Происходит субъект-объектный обмен ролями и функциями: «когда мы интерпассивны, вместо нас активно нечто другое – фетиш-объект» [18, р. 60]. Другими словами, технологии становятся социально активными, тогда как сами субъекты оказываются социально пассивными.

Однако Дж. Дин мало обращает внимания на собственно технологический аспект сетевого отчуждения, больше фокусируясь на политэкономических условиях трансформации сообщения во вклад, и не рассматривает специфику того, как технологии новейших медиа усиливают отчуждение. Эти медиа функционируют на базе алгоритмов машинного обучения, которые служат инструментами наиболее изощренного способа воспроизводства реифицированных социальных отношений и конституированы таким образом, что «*a priori*, по своей “сущности”, несовместимы с человеческим контролем» [21, р. 250]. Они выступают как автоматические системы совершенно иного порядка, которые автоматизируют уже не ручной или умственный труд, а саму автоматизацию [19, р. 9–10]. Это означает, что в отличие от универсальной машины Тьюринга взаимодействующие с внешней средой вычислительные системы представляют собой динамические процедуры, имеющие нелинейную структуру. Их входные обучающие данные удваивают автономию вычислительных операций, в результате чего с каждой новой петлей обратной связи генерируемая информация становится все более абстрактной и независимой от человеческих знаний. В архитектурах нейронных сетей глубокого обучения между входом и выходом расположено множество скрытых нелинейных слоев, в которых каждый нейрон является одновременно и передающим, и вычислительным узлом – маленькой машиной Тьюринга. В процессе работы искусственной нейронной сети «обобщенная петля обратной связи влияет на функцию каждого узла», дистиллируя от слоя к слою поток информации – переводя ее в более высокие формы абстракции [13]. Промежуточные слои являются наименее понятными и слабо интерпретируемыми не только благодаря своей аналитической непрозрачности, но и в силу отсутствия общей феноменологической или экзистенциальной основы между абстрагирующими операциями людей и искусственных когнитивных агентов [20].

Петля обратной связи, посредством которой алгоритмы ИИ выходят из-под человеческого контроля, позволяет им контролировать взаимодействующий с ними социальный мир: «входные данные, полученные из мира, реализуют функцию контроля в отношении этого же мира» [13]. И, следовательно, чем автономнее и социально активнее становятся вычислительные агенты, тем подконтрольнее и социально пассивнее оказываются взаимодействующие с ними индивиды. Между субъектом и его деятельностью, субъектом и природой, человеком и человеком вклиниваются псевдоактивные «социальные вещи» – алгоритмы ИИ. Поэтому автоматизация автоматизации труда, которую они осуществляют, представляет собой динамический, постоянно интенсифицирующийся разрыв подлинно человеческого взаимодействия. В этой беспрецедентной медиации второго порядка в процессе рекурсивной трансформации данных происходит бесконечное самоумножение бессистемной информации, что позволяет говорить о мультипликации отчуждения в обществе, которое становится все более цифровым и дегуманизированным, или, по лапидарному замечанию отечественного философа Г. С. Батищева, – «безлюдным “обществом”» [2, с. 160].

Следовательно, в эпоху позднего капитализма доминирующая над всеми бесчеловечная сила поглощает родовую сущность человека, его социальную субстанцию, наиболее изощренным способом. Посредством алгоритмической инфраструктуры капитал мультиплицирует отчуждение социального бытия в бесконечных рекомбинациях пролиферирующих данных.

Преобразуя индивидов в неэмпатических социально пассивных субъектов, он превращает их в агентов нового асоциального мира – цифрового общества.

Литература

1. Батищев Г. С. Избранные произведения / Под общ. ред. З. К. Шаукеновой. – Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2015. – 880 с.
2. Батищев Г. С. Понятие целостно развитого человека и перспективы коммунистического воспитания // Проблема человека в «Экономических рукописях 1857–1859 годов» К. Маркса. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростов. ун-та, 1977. – С. 147–170.
3. Кондрашов П. Н. Нелепость, ставшая привычкой // Свободная мысль. – 2016. – № 5. – С. 203–217.
4. Кондрашов П. Н. Философия Карла Маркса: Экзистенциально-антропологические аспекты. – М.: USSR, 2024. – 216 с.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. – М.: Политиздат, 1956. – 690 с.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1955. – Т. 3. – 630 с.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1959. – Т. 13. – 771 с.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1960. – Т. 23. – 908 с.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1969. – Т. 46. – Ч. 2. – 620 с.
10. Можеева А. К. К истории развития взглядов К. Маркса на субъект исторического процесса // Проблема человека в современной философии. – М.: Наука, 1969. – С. 145–188.
11. Паризи Л. Инструментальный разум, алгоритмический капитализм и неисчислимое / Пер. с англ. Д. Шалагинова под ред. Э. Сержана // Новое литературное обозрение. – 2019. – № 4. – URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/158_nlo_4_2019/article/21372/ (дата обращения: 29.09.2024).
12. Парцвания-Чараия В. В. Генеалогия отчуждения: от человека абстрактного к человеку конкретному. – СПб.: Университетская книга, 2002. – 374 с.
13. Пасквинелли М. Машины, формирующие(ся) в логику: нейронные сети и искаженная автоматизация интеллекта в качестве статистического вывода / Пер. с англ. Г. Голубкова и П. Строкина // Новое литературное обозрение. – 2019. – № 4(158). – URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/158_nlo_4_2019/article/21371/ (дата обращения: 29.09.2024).
14. Сафронов Э. Е. Концепция коммуникативного капитализма Джоди Дин // Знание. Понимание. Умение. – 2020. – № 1. – С. 236–247.
15. Тульчинский Г. Л. Политический контекст наррации с Wert-терминологией К. Маркса: стоимость vs ценность // Полис. Политические исследования. – 2019. – № 3. – С. 174–185.
16. Шпот В. В. Коммуникативный капитализм Джоди Дин: эволюция одной социальной теории // Социология власти. – 2021. – Т. 33. – № 1. – С. 222–239.
17. Dean J. Communicative Capitalism and Class Struggle // Spheres: Journal for Digital Cultures. – 2014. – No. 1. – PP. 1–16.
18. Dean J. Communicative Capitalism: Circulation and the Foreclosure of Politics // Cultural Politics. – 2005. – Vol. 1. – No. 1. – PP. 51–74.
19. Domingos P. The Master Algorithm: How the Quest for the Ultimate Learning Machine Will Remake Our World. – New York: Basic Books, 2015. – 352 pp
20. Fazi B. Beyond Human: Deep Learning, Explainability and Representation // Theory, Culture & Society. – 2021. – Vol. 38. – No. 7–8. – PP. 55–77.
21. Meszaros I. Marx's Theory of Aienation. – L.: Merlin Press, 1970. – 356 pp.